
Небеса благоволили молодым: двадцать первого числа одиннадцатого месяца снегопад, не утихавший несколько дней, наконец прекратился. Сквозь облака проглянуло солнце, заливая мир ярким светом. Пожалуй, лучшего знамения для свадьбы нельзя было и желать.

Лу Чуань поднялся ещё до рассвета. Мысли о том, что сегодня он наконец назовет своим законным супругом того, кто безраздельно завладел его сердцем, лишили юношу покоя. Проворочавшись в постели почти всю ночь, он забылся беспокойным сном лишь на пару часов, а едва за дверью послышались первые шаги, окончательно проснулся.

Семья деревенского старосты прибыла в дом Лу в полном составе. Тётушка Чжан уже хлопотала на кухне, готовя завтрак, Чэнь Циншань грел воду, а сам староста вместе с младшим сыном, Чэнь Цинши, обходил хозяйство, проверяя, всё ли готово к приему гостей.

Староста не раз распоряжался на свадьбах, но то были простые союзы между сельскими жителями или мещанами из ближайшего городка. Бракосочетание с отпрыском столь знатного рода, как дом хоу, пугало его ответственностью. Он боялся допустить малейшую оплошность, способную навлечь бесчестие на жениха.

По обычаю Лу Чуаню следовало совершить омовение. Чэнь Циншань согрел огромный котел воды и помог отнести его в комнату, наказывая Ученому Лу вымыться так тщательно, чтобы сияла каждая волосинка.

Сбросив пояс и верхнее одеяние, Лу Чуань мельком глянул в зеркало. За последние месяцы благодаря правильному питанию и регулярным упражнениям его тело, прежде напоминавшее обтянутый кожей скелет, обрело здоровый вид. Мышцы на животе и груди обозначились четким, пусть и пока тонким рельефом — из тех фигур, что в одежде кажутся изящными, но скрывают под собой неожиданную силу.

Поскольку молодой человек перестал покидать дом ради заработка, всё свободное время он посвящал книгам и каллиграфии. За два месяца кожа, успевшая потемнеть под жарким солнцем, пока он работал в чайной, снова стала белой и чистой. Мягкий нрав в сочетании с той особой аурой начитанности и благородства придавали ему вид безупречного «благородного мужа» — изысканного и кроткого, подобно ценному нефриту.

Омывшись и высушив волосы отрезами ткани, Лу Чуань облачился в свадебный наряд. Этот алый костюм прислали из поместья Юннин — семья Се заказала два комплекта в лучшем столичном павильоне Цзиньсю.

Обычно невесты или гээр сами шьют себе подвенечные платья за год-два до свадьбы, но матушка Се, прекрасно знавшая о «талантах» сына в рукоделии, предпочла не позориться и

заранее обратилась к мастерам. Нравы Великой Ань хоть и ценили равенство сословий, но мезальянсы случались часто, и более знатная сторона нередко брала на себя заботу о нарядах для обеих сторон, чтобы сгладить разницу в достатке.

Прежде Се заказали наряд и для Лянь Инцзе, но после расторжения помолвки матушка Се велела сжечь то дорогое одеяние. Наряд же для Лу Чуаня искусные вышивальщицы Цзиньсю, у которых очередь обычно расписана на полгода вперед, изготовили в спешном порядке за огромную доплату.

Юноша провел кончиками пальцев по тончайшей вышивке на рукавах и невольно улыбнулся. Только теперь он по-настоящему осознал: это происходит. Сегодня он женится. Отныне он больше не будет один — рядом с ним будет тот, кто разделит с ним жизненный путь до самого конца.

Вскоре прибыла Сваха Ван вместе с музыкантами и торжественным эскортом. Когда наступил благоприятный час, Лу Чуань вскочил в седло статного коня. Под звуки праздничных труб и радостный гомон односельчан свадебный кортеж двинулся в сторону поместья Се.

Он ехал за своим суженым.

В поместье хоу Юннин Се Нин тоже не сомкнул глаз, забывшись тревожным сном лишь под утро. Но в отличие от Лу Чуаня, им владела не радость, а гнетущее беспокойство. Письма, которыми они обменивались всё это время, пробудили в нем симпатию, но этого было мало, чтобы с легким сердцем ждать супружества.

К тому же его терзала одна тайна. Накануне вечером матушка Се пришла к нему и, отведя в сторону, вручила тонкую книгу в шелковом переплете, строго-настрога наказав изучить её. Се Нин сначала не придавал этому значения, решив, что мать подсовывает ему очередное нудное наставление о поведении примерного супруга.

Едва матушка ушла, он забросил книгу в угол. Но перед самым сном любопытство взяло верх. Юноша поднял подарок и наугад открыл страницу.

Увиденное заставило его замереть. На картинке двое мужчин в полураспахнутых одеждах прижимались друг к другу в недвусмысленных позах. Се Нин, хоть и был заядлым любителем приключенческих романов, никогда не видел «весенних картинок» — слуги не осмеливались покупать ему подобное. Он оставался совершенно несведущ в делах близости.

Герой с громким стуком захлопнул книгу. Лицо и шея мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. Он не мог поверить, что родная мать подсунула ему такое бесстыдство!

Но спустя мгновение любопытство пересилило стыд. Он снова приоткрыл страницу... и снова увидел те же сплетения тел. Книга захлопнулась во второй раз.

Вспомнив наказ матери — смотреть внимательно и не отмахиваться, — Се Нин всё же заставил себя открыть первую страницу. Там был текст, написанный рукой матушки Се. Она объясняла, что эта книга должна обучить его тому, что происходит в брачных покаях.

Юноша был в смятении. В его представлении после поклонов и обрядов наступала «брачная ночь», которая означала лишь то, что двое супругов ложатся спать в одну постель. У него никогда не было наставницы по интимным вопросам, а матушка Се, как женщина, не могла прямо говорить с гээр о подобных вещах.

Лишь изучив книгу, Се Нин осознал, что близость подразумевает нечто гораздо более откровенное и... пугающее. Мысль о том, что между супругами может происходить такое, вызвала в нем неприятие, переходящее в тихий ужас.

Страх перед неизвестностью и отторжение этой грядущей близости заставляли его ворочаться с боку на бок до самого рассвета. Когда Бай Юй пришел будить его, молодой человек поднялся без тени свадебной радости — лишь с тяжелым раздражением от недосыпа.

Впрочем, свою злость он не выплескивал на окружающих, а копил в себе, застыв с каменным лицом и позволяя слугам одевать себя, точно безжизненную марионетку.

Лишь после купели утреннее раздражение немного утихло. Наступило время туалета. Матушка Се пригласила одну из самых почитаемых в столице «женщин Пяти Благословений» — ту, чья жизнь была полна удачи, дети почтительны, а здоровье крепко. Считалось, что такая женщина передает свое счастье новобрачному.

По обычаю новобрачным в день свадьбы запрещалось есть. Но матушка Се, как и многие любящие родители, не могла допустить, чтобы сын голодал весь день. Тайком от посторонних глаз Се Нину передали еду.

Закончив с прической, он в одиночестве справился с двумя блюдами сладостей, но всё равно чувствовал, что не наелся. Мысль о том, что из-за каких-то дурацких традиций ему придется поститься до вечера, снова пробудила в нем праведный гнев. Хэ Хуа пытался его утешить, но юноша лишь недовольно ворчал — обычаи полагалось соблюдать, какими бы глупыми они ни казались.

После того как туалет был завершен, в покои начали заходить родственники и друзья семьи для обряда «приданого» — каждый приносил какой-то подарок от себя.

У хоу Юннина было двое младших братьев. Семьи давно жили отдельно, но вражды между ними не было, так что братья со своими домочадцами прибыли поздравить племянника. Кузины и двоюродные сестры оказались на редкость тактичными: вручив подарки, они

поспешили удалиться, не желая испытывать на себе тяжелый нрав Се Нина.

Что касается семьи Лю — родни матушки Се, — то отношения с ними были разорваны давно. Никто из дядьев не пришел, не прислали даже формального подарка. Матушке Се было горько от этого, а вот Се Нин лишь порадовался: меньше будет в доме неприятных лиц.

Друзей в столице у него не водилось. На каждом приеме он умудрялся либо поссориться с какой-нибудь знатной девицей, либо вцепиться в волосы другому гээр. Дурная слава о его буйном нраве отпугивала сверстников, так что в этот важный день в его покоях собрались лишь самые близкие.

Комната была полна людей. Невестка, окинув Се Нина восхищенным взглядом, улыбнулась:

— Наш Нин-гээр сегодня просто ослепителен. Повезло же этому Ученому Лу!

В алом свадебном наряде юноша казался еще белее, а его кожа светилась здоровым румянцем. Легкий макияж и ярко-красная помада на губах подчеркивали его природную красоту, превращая в истинное воплощение слова «сияние».

Матушка Се смотрела на сына, и сердце её сжималось. Сегодня её мальчик покинет этот дом. Глаза её затуманились от подступивших слез. Стараясь не привлекать внимания, она смахнула влагу платком и, взяв себя в руки, подошла к сыну.

— Ох, неужели это мой сын? — шутливо воскликнула она. — Такой красавец, что родная мать едва узнает!

В комнате раздался дружный смех. Невестка подхватила:

— Нин-гээр и так всегда был хорош собой, а теперь и вовсе глаз не оторвать!

Се Нин оставил их похвалы без внимания. Красивый? Само собой, разве могло быть иначе?

К нему подошел Се Цзинь. Мальчику уже исполнилось десять лет, и он, стоя рядом, был даже чуть выше сидящего дяди. Всегда серьезный и рассудительный не по годам, сейчас он едва сдерживал слезы. Сколько он себя помнил, отец вечно пропадал в походах, мать была занята делами поместья, и именно младший дядя чаще всего играл с ним и развлекал его. С тех пор как Се Цзинь начал учиться, они стали видеться реже, а теперь тот и вовсе уезжал.

Мальчик присел на корточки и положил голову на колени Се Нину, как в детстве. Голос его дрогнул:

— Дядя, вы ведь будете часто возвращаться? Вы еще не научили меня до конца тем приемам с

саблей...

Слова ребенка мгновенно разогнали веселье. В комнате повисла тяжелая тишина, наполненная печалью расставания. Но Се Нин, не разделяя общего настроения, бодро ответил:

— Не вешай нос! Я буду приходить каждый день и прослежу, чтобы ты выучил всё как следует.

Матушка Се лишь вздохнула. Глупое дитя, всё еще несет эту чушь. Видимо, она и впрямь плохо его воспитала.

Стоящий рядом хоу Юннин, напротив, радостно подхватил:

— Верно! Приходи каждый день! Отец покажет тебе мастерство владения мечом и расскажет еще сотню историй о своих подвигах в Бэйцзяне!

Хоу, широкоплечий и могучий, после выхода в отставку заметно округлился в талии — без походов и тренировок тело начало сдавать. Сейчас он стоял с покрасневшими глазами, и в его облике проступала та тихая горечь, что ведома лишь стареющим отцам.

Но Се Нин, верный своей натуре, не оценил момента. Он окинул отца критическим взглядом:

— Отец, вы уже стары. У старшего брата сабля и то лучше летает. А истории ваши я и так все наизусть знаю, слушать тошно.

В Бэйцзяне хоу получил немало ран, которые теперь, с возрастом, напоминали о себе постоянной болью. Ему и один круг саблей описать было трудно. От скуки он часто звал к себе Се Нина и Се Цзиня, потчужа их рассказами о былых сражениях. Поначалу те слушали с открытыми ртами, но когда истории пошли по десятому кругу, начали попросту от него прятаться.

Хоу Юннин задохнулся от возмущения, не в силах вымолвить ни слова — вся его отцовская нежность мгновенно испарилась.

Се Мин оттолкнул отца и, выпятив грудь, заявил:

— Нин-гээр, если этот Лу Чуань хоть пальцем тебя тронет, только скажи. У твоего второго брата во всех закоулках столицы свои люди найдутся!

Се Нин лишь хмыкнул. Он не верил, что какой-то книжник способен его обидеть. А если бы и нашелся такой смельчак, помощь брата ему бы не понадобилась — он бы и сам быстро приструнил наглеца. Бедный юноша и не подозревал, что существует такая «обида», которой он не сможет и, главное, не захочет сопротивляться.

Наконец слово взял Се Бо, старший брат, который с трудом выхлопотал отпуск из Северного лагеря. Будучи первенцем, на которого всегда возлагали надежды семьи, он вырос молчаливым и сдержанным. Се Цзинь во всем подражал его суровости.

На лице Се Бо не дрогнул ни один мускул. Он произнес коротко:

— Будут беды — зови меня.

Се Нин кивнул. Он привык к немногословности старшего брата и знал: за этим спокойствием стоит нерушимая стена.

В этот момент в коридоре послышались торопливые шаги слуги.

— Едут! Едут! — закричал он, запыхавшись. — Господин, госпожа, жених прибыл! Он уже у ворот!

<http://bllate.org/book/15313/1354402>